

Алла Лютая

Дамская сумочка на ведро картошки

*Возраст, как и
любовь, скрыть
невозможно.*

Моя маленькая младшая сестра спала на руках у мамы. Я внимательно смотрела на этот пушистый свёрточек в пелёнках и удивлялась какой микроскопический носик у неё. Малышка открыла глаза. Большие серые глаза. И тоже пушистые. Внимательные и бесконечно добрые. Она смотрела прямо на меня.

— Вот, Алла, это твоя сестра. Как ты хочешь её назвать?

В мою детскую, и, наверное, одинокую жизнь вошла новая родная девочка, которой суждено было стать моей младшей сестрой.

— Ира. Я хочу, чтобы её звали Ира.

Конечно она была смешная и удивительная, восхитительно удивительная. А смешная, потому что маленькая. И её очень хотелось потрогать, и поцеловать, и погладить. Розовый ребёнок в милых складочках на пухленьких ручках и ножках нежно барахтался в пелёнках.

Итак, моя жизнь разделилась на неосознанное детство без сестры и, вдруг ответственная жизнь, когда ты — старшая сестра.

Когда малышка простудилась, и мама начинала её усердно лечить, то Ируська плакала ещё до того, как ей ставили горчичники. И причитала, что ей уже печёт. Я упрашивала маму, чтобы и мне поставили горчичники за компанию, и пыталась убедить сестру, что это очень даже хорошо. И совсем не печёт, а немножко щекотно.

— Это от твоих щекотно, а от моих печёт, — плакала Ируська.

— Так давай поменяемся: я возьму твои пекучие, а тебе приклеим мои щекотные, — предлагала я бартер.

Мы менялись, нервно обговаривали новые ощущения, пытаясь понять разницу, пока вдруг Ируська не начинала реветь снова.

Мне нравилось смотреть, как мама купала её. Маленькая сестра становилась весёлой и беззаботной. Вода — её стихия. Пухленькими ручками Ируська шлёпала по воде, старалась взять её в ладошки, хотела словить мыльные пузыри, приходя всё больше в восторг от этой мокрой возни. Мама закутывала малышку в большое махровое полотенце и усаживала на родительскую кровать. Выглядывало только счастливое личико с ямочками на щеках.

— Ируська, попробуй мороженое, — предлагала я в кулачке густую мыльную пену. Она доверчиво попробовала и стала плевать, тереть глаза и дошло до волос. В результате купание повторилось, а я отправилась в угол. Так я продлевала любимое для малышки пребывание в воде.

Вскоре Ируся пошла в садик. Мы вместе в него ходили. Я в старшую группу, а сестра в младшую. Садик был рядом с нашим домом. Когда нас выводили на прогулку, то с детской площадки мы видели наш двор. Ируська прибежала ко мне и восторженно сообщала, что видела в нашем дворе папу или маму. Это означало, что нас скоро позовут домой. В положенное время родители просили воспитателя, чтобы нас отпустили домой и мы, дружно взявшись за руки, маршировали в свой двор. Дети, за которыми ещё не пришли, кричали нам во двор, чтобы мы возвращались. Но, мы важно отвечали, что нас уже забрали и вернуться сможем только завтра. Это был такой ритуал и был он только у нас.

В мои шесть лет я томила первой любовью к своему соседу Саше Гравчуку. Накрыло меня с головой. Его небесного цвета глаза смотрели прямо в мою детскую душу и заставляли биться сердечко трепетно и учащённо. Дома я смотрела на родителей и маленькую сестру и удивлялась сама

себе. Ведь я их так люблю, но Сашу я любила больше. И это осознание такого внезапно сильного чувства к соседскому мальчику удивляло меня и пугало. Со временем я привыкла к этой любви и немного успокоилась. А через несколько лет я отметила для себя, что уже любви нет. Садик, конечно хорошо, но мне пришла пора идти в школу.

В школе всегда трудно. Учиться всему с нуля, формировать из себя Человека Разумного — это титаническая работа. Я застала то время, когда в своём первом классе дети писали чернильными ручками с пером. И в школу носили чернильницы в миниатюрных сумочках-чехлах на длинной верёвочке. Это нечто! В тетрадках обязательно была «промокашка» — специальный лист для промокания чернил после написания. Мне промокашка представлялась бархатной салфеткой, приятной и нежной. Нравилось смотреть, как она справлялась с чернилами. Накроешь кляксу этой салфеткой и наблюдаешь, как всё приходит в действие. Чернила впитываются в промокашку очень быстро. И вот уже всё лишнее чудесным образом переместилось из твоей тетрадки на этот листик. И тогда быстрее высыхает твоя писанина. Но, как бы мы ни старались, а кляксы и чернильные пятна были не только в тетрадках, но и на руках, формах, портфелях, а у самых ловких и на голове. Дома я аккуратно выводила крючки и палочки,

пытаясь скопировать образец учителя. Буквы получались не очень-то. И тогда мама брала мою руку в свою и начинала писать с новой строки, громко объясняя мне в ухо, что почерк должен быть красивый. Она и мысли не допускала, что у меня может быть какой-то свой почерк, какой-то другой и некрасивый. Если ей не нравилось, как я написала, то мы сначала вместе «рука в руке», а затем я сама много раз переписывали. В результате у меня красивый почерк, немного похож на мамин. Но, когда мой сын пошёл в школу, то я позволила ему иметь свой собственный почерк. Иногда Ируська вовлекалась в этот писательный процесс и, наверное, ей очень хотелось помочь мне. Когда ей удавалось завладеть моими тетрадками, то она самозабвенно в них ваяла каракули. За что и получала от меня. А я от родителей. Круг замыкался.

Постепенно сестренка подросла и тоже пошла в школу. К этому времени в городе построили большую среднюю школу номер тридцать. И весь наш класс перешёл в новую школу. По утрам, если мама спешила на первую смену, я часто заплетала косички себе и сестре, и мы отправлялись на занятия. Хорошо, что прогресс заменил нам чернила на шариковые ручки. Хотя они и казались по началу каким-то чудом, но дело каждого было разобрать свою ручку и умудриться вытащить тот

шарик. Аккуратно это сделать не удавалось никому. И, теперь уже пастой, были измазаны больше, чем тогда чернилами. Но познавательный процесс — это естественный этап в нашей эволюции. И каждый проходит его по-своему.

Учились мы с Ирусей хорошо. Более того — отлично. На школьной доске почёта наши фотографии висели по несколько лет. Глядя на эти портреты, я всегда про себя отмечала неровно подстриженную чёлку, съехавший набок бант или свою, немного одностороннюю, улыбку. Перейдя в шестой класс, мне хотелось, чтобы мою фотографию сняли.

К учёбе мы относились серьёзно, но по-разному. Я часто проверяла у Иры домашнее задание. Она настолько методично и тщательно учила, что когда-бы я её не проверяла, и чтобы не спрашивала по любому предмету, Ирусю знала всё досконально в рамках того или иного учебника. Восхищение и шок от её способности учиться у меня остались на всю жизнь. Дальше, во взрослой жизни, Ира всё время продолжала и продолжает разные виды обучения, профессионально владеет несколькими иностранными языками, и сама обучает студентов со всего мира сложным наукам.

Меня во многом выручала память. Достаточно было прослушать урок, или прочитать дома, чтобы его уже помнить. Но учить все правила — нет, это

не моё. Периодически наша мама была настроена решительно и голосом директора объявляла нам:

— Девчата, несите дневники и будем проверять домашние задания!

Ира с радостью всё несла, ей нравилось, когда проверяли. Хорошая девочка. А я её просила, чтобы подольше там отвечала. Сама тем временем лихорадочно листала один за другим учебники, чтобы пробежаться по тексту глазами. Но проверку я проходила успешно.

Счастливая пора наступала с приходом лета. Каникулы — свобода! Тем более, что с последнего звонка мы приносили похвальные грамоты, а это всегда приятно.

— Ируська, давай устроим нам обед по — королевски!

— А как это? — удивилась сестрёнка.

— Ну возьмём красивые тарелочки, салфетки, нагреем еду, красиво разложим и будем манерно так кушать, и называть друг друга: Ваше Величество.

Сказано — сделано. Мы грели нашу обычную домашнюю еду, то, что было в холодильнике, аккуратно выкладывали на тарелочки из сервиза, который предназначался для всяких праздников и прочих торжеств и весь этот пир устраивали на кухонном столе. В эти моменты мы с Ируськой превращались в Ваше Величество и разговаривали

не спеша, негромко, медленно поглощая приготовленные кушанья. Эти церемонии нам очень нравились. Мир наших фантазий, грёз, мечтаний и страхов — это целый космос, в котором ты пребываешь независимо, а то и параллельно со своей обыденной жизнью.

Страшно было, когда укладывались спать в своей девичьей комнате и рассказывали друг другу мистические истории про колдунов и ведьм. Казалось, что под твоей кроватью кто-то дремучий сидит и ногу из — под одеяла опустить на пол просто невозможно. В животе становилось холодно, сон не приходил. Когда надоедало лежать в таком оцепенении, я всё же вставала и шарила рукой под кроватью. При чём по — серьёзному. Но кроме пары чемоданов там никого и ничего другого не было. И так у меня закрепилась эта привычка — проверить и выяснить всё непонятное, до тех пор, пока не успокоюсь.

Летние каникулы всегда проходили с выездами на море, в лагерь или в деревню. Это были захватывающие путешествия с самыми непредсказуемыми ситуациями. К тому моменту родители купили автомобиль «Москвич — 412» спелого морковного цвета. Это был практически дом на колёсах! Загрузили туда всё, расселись по местам и вперёд к морю своим ходом. Мама была штурманом, держала раскрытой автомобильную

карту и внимательно сверяла указатели со значками карты. Если ей казалось, что едем не туда, она начинала волноваться и громко говорила отцу:

— Толик, мы не туда едем!

— А куда надо? Обратно разворачиваться?

Затем отец просматривал карту и продолжал движение. Но бывало, что действительно где-то не туда сворачивали, петляли, спрашивали у людей и таки выбирались на путь истинный. Первый привал с ночёвкой в палатке запомнился на Каховском водохранилище. Установили палатку, развели костёр, папа собрал треногу с котелком и с мамой вместе захлопотали у огня. А мы с Ируськой пошли купаться. Вода тёплая и ласковая. Но под ногами острые камушки и долго по дну не походишь. Надо плавать. Немного покупавшись на берег нас выманил густой аромат полевой каши с тушёнкой и маслом. Сели у костра, обсохли и со зверским аппетитом ели всё, что давали. Вкусно и счастливо. Вечер наступил сразу с огромными комарами и оводами. Мы, недолго думая, забрались в палатку и вместо того, чтобы дурачиться, попадали спать.

На следующий день мы приехали на Чёрное море в Алушту. А это же практически рай. Мама, согласно своей путёвке, разместилась в пансионате, а мы с отцом сняли комнату в небольшом домике недалеко от моря. По утрам отец кашеварил и кормил нас с сестрой, а в обед мы с моря ходили

всей семьёй кушать в столовую пансионата. В столовой вкусно пахло и можно было выбирать еду из разных вариантов меню. Приятно подкрепившись, мы энергично направлялись на пляж. Сказать, что на пляже было много людей, это ничего не сказать. Пляж справедливо можно назвать морем людей, переходящим в море воды. На нашем пляже метров пятьдесят от берега в море возвышались три небольшие скалы, имеющие такие уступы в виде ступеней. И немного поодаль ещё одна скала, немного выше этих трёх. В народе этот скальный ансамбль называют «Три сестры» и «Монах». И все, кто хорошо плавал, заплывали к скалам, забирались на вершину, или пониже и прыгали с высоты в воду. Это зрелище было потрясающим и очень привлекало нас с Ирой. Но в первые дни нашего пребывания мы плавали вдоль берега, наслаждались подводными ныряниями и катались на прекрасных волнах. Немного штормило и огромные изумрудные волны с мохнатой белой, как бахрома пеной, неслись к берегу, затягивая всю гальку и нас в свои объятия. Мы становились спиной к волне, следили, когда она почти достигала нас и подпрыгивали изо всех сил вверх, чтобы оказаться на вершине волны. Нас сплошной стеной несло и вышвыривало на берег, и тут же, как магнитом, тянуло обратно. Если не получалось хорошенько подпрыгнуть на верхушку волны, то

тебя тут же накрывало с головой, крутило, вертело, и яростно прибивало к берегу. Вцепившись всеми пальцами рук и ног мы на четырёх выползали на сушу. Смотрели друг на друга глазами, полными моря, и смеялись, и кашляли от солёной воды, а немного передохнув, снова бросались в воду. Восторг! Но таких отчаянных купальщиков было не много.

Папа наблюдал за нами, но не мешал. Лишь видя нашу усталость, он подходил к воде и говорил:

— Девчата, может хватит уже? Идёмте мороженое есть!

И это реально работало. Наверное, по — другому из воды сложно вытащить детей.

Мама проходила в пансионате курортное лечение, разные процедуры и на пляж к нам приходила позже. Она не видела такого нашего общения с морем. А вскоре наступало время обеда и сильной жары. Мы собирались и уходили с пляжа.

Вечером, гуляя по набережной, мы с Ирусской уговаривали отца обязательно поплыть на те скалы и посмотреть, как оно там. Ведь мы же неплохо плаваем, а если что, то можно на спине доплыть. Обещали, что маме не проговоримся. Она ни за что не разрешит.

В один прекрасный солнечный денёк, когда на море был полный штиль, папа сказал, что сейчас

поплывём на скалу, если нам ещё туда хочется. Очень хотелось. Мы с сестрой плыли впереди, отец за нами. Доплыли без происшествий. Скала была с разными уровнями, я бы сказала — многоэтажной. Мы забрались на нижний этаж, чтобы отдышаться и немного понаблюдать за ныряльщиками. Ребята прыгали с высоты в глубину в определённом порядке, чтобы не мешать друг другу, и не прыгнуть на голову тому, кто уже нырнул. Папа сказал, что попробуем нырнуть с нижнего уровня.

План у нас был такой. Сначала ныряет отец, мы ждём, когда он вынырнет, затем по команде ныряет Ира, а я после неё, когда будет моя команда. Главное — чётко следовать плану. Вода была прозрачной. Глубина довольно серьёзная. На морском дне просматривались большие округлые камни какого-то бурого цвета, напоминающие береговую гальку, увеличенную во сто крат. Подводные рифы манили в свои объятия. Солнце безжалостно грело и от этого хотелось поскорее в воду. Тем более, что с верхних ступеней один за другим прыгали разновозрастные ребята с криками восторга и радости. Пацаны помладше, не успев вынырнуть, снова взбирались на скалу и с воплями ныряли снова. А некоторые ребята, наверное, спортсмены, ныряли молча, но как-то особенно красиво.

Папа нырнул. Мы смотрели сквозь глубину,

как он там разворачивается и быстро подымается обратно. Ура!

— Папа, папа, тебе страшно? — спрашивала Ируська.

— Там сильно глубоко? — спрашивала я.

— Ира, приготовься и вперёд! — скомандовал отец.

Ируська бравым солдатиком прыгнула в воду. Она метра на два ушла в глубину и так же солдатиком вынырнула обратно. Отец её подхватил.

— Ируська! Страшно было? — теперь уже я спрашиваю у сестры.

— Нет, хорошо! Ещё хочу — восторженно кричит она.

— Алла, приготовься и вперёд! — прозвучала команда отца.

Я немного оттолкнулась от скалы и то же солдатиком прыгнула в море. Уйдя на глубину, я открыла глаза и посмотрела сначала вниз, а затем вверх. Оказалось, что до тех больших бурых камней было далеко. А сверху надо мной был целый столп огромных пузырей воздуха, напоминающих мне большие мыльные пузыри. Сверху всё это прорезали солнечные лучи, и казалось, что пузыри надеты на эти лучи. Эта прекрасная подводная картина и все связанные с нею яркие эмоции с того момента и по сей день живут во мне и часто

всплывают, всегда наполняя меня радостью и счастьем, и ощущением свободы в этом огромном и таком взаимосвязанном мире.

Смакуя новые подводные переживания, я поняла, что воздуха уже не хватает и поспешила на поверхность. Отец подхватил меня, дав возможность отдышаться.

— Алла, ну как? Тебе понравилось? Или больше не хочешь нырять? Тебе было страшно? Скажи, — не успокаивалась Ируся.

— Давай ещё прыгнем. Мне очень понравилось.

И мы поплыли к тому месту, где ныряльщики взбирались на скалу. Отец помогал нам выбраться из воды на первую ступень, а дальше мы сами взбирались на небольшую высоту с которой хватало духу нырять. На самую верхушку мы не лезли. Дальше процедура повторялась. Сначала нырял отец, затем сестра, а я завершала. Но прыгнув несколько раз, мы поняли, что очень устали. Тогда папа предложил посидеть спокойно на нижней ступени скалы, отдохнуть, отдышаться и будем плыть на берег. Никто не возражал. После небольшого отдыха наш отряд пустился в обратный путь. Мы с сестрой впереди, отец за нами. Небольшие волны помогали плыть. Только мы выбрались на берег и дружно распластались на горячих полотенцах, как пришла мама.

Предварительно не успев всё обсудить, мы честно молчали про заплыв на скалу.

На завтра мы снова поплыли нырять. Прыгнув пару раз, мы решили подняться на вторую ступень высоты, откуда нырял папа. Он помог нам залезть к нему. Конечно этот метр дополнительной высоты был для нас испытанием. Мы с Ирой стояли и просто смотрели, как ныряли другие ребята и как нырнул отец. Было страшно, захватывало дух. Но и возвращаться на нижнюю ступеньку уже не хотелось. Мы с Ируськой решили, что, надо хотя бы разок попробовать прыгнуть. Папа, видя наши колебания, сказал, что мы можем просто поплыть обратно сейчас или если не устали, то понырять с нижней ступени. Но это уже было не интересно. Решились. Папа сказал, чтоб как бы оттолкнулись от скалы и подальше так прыгнули. И только по его команде.

— Ира, вперёд! — скомандовал отец из воды. И младшая сестра бравым солдатиком прыгнула в море. Я посмотрела, как глубоко она ушла под воду. Довольно глубоко. Отец то же внимательно следил и тут же её подхватил, когда она подплывала к поверхности. Ируська, морская рыбка, громко выплевывала солёную воду, отвечала отцу, что очень понравилось, а после стала звать меня прыгнуть.

— Алла, вперёд! — разрешил отец и я была

готова.

Страх в моём животе стал кусочком льда, и я вместе с ним и с какой-то бесшабашностью сиганула в глубину. Шум в моих ушах от рассекания воды и погружения показался мне фантастическим. Ничего подобного раньше я в своих ушах не слышала. Я сразу открыла глаза и посмотрела вниз. Те огромные бурые камни различались довольно чётко, и я увидела больших рыб. Их было несколько, и они медленно и лениво проплывали между теми глыбами. Прощайте, рыбы! И я устремилась вверх. Вынырнув на воздух, мне казалось, что не могу надышаться.

Мы выбрались на нижнюю ступень и уселись все отдыхать. Отец сказал, чтоб мы согрелись, а он ещё попрыгает. Мы с Ируськой, как опытные ныряльщики обсуждали свои переживания. Мы были в восторге. Отец подымался на верхнюю ступень. И вдруг мы услышали пронзительный крик с берега.

— Толик, что ты там делаешь? Где девочки? — это была мама. У неё закончилась какая-то процедура и она пришла на пляж пораньше. Подойдя к нашему месту, и никого там не обнаружив, мама внимательно просмотрела купающихся у берега. Никого из нас там не увидев, она спросила у отдыхающих рядом с нами, может кто видел. Кто — то показал ей на ту скалу. Мы

встали и помахали маме руками, чтобы она нас увидела. А папа сказал, что раз такое дело, то поплывём уже на берег. Мы даже не возражали.

С чувством совершённого подвига мы спокойно отправились в обратный путь. Выбравшись на берег, без лишнего возбуждения легли загорать. Мама спрашивала у отца зачем мы туда поплыли, что это такое, так далеко и опасно, да ещё и нам разрешил. И мы с Ируськой принялись папу защищать. Говорили маме, что вода очень лёгкая, плыть хорошо, а прыгать со скалы вообще здорово и предложили, чтобы и она с нами туда поплыла.

— Вы что все прыгали с той скалы в глубину? — мама с ужасом в глазах растерянно смотрела на всех нас.

— Вам что на берегу моря мало? Это же так далеко плыть и такая глубина! Чтобы больше туда не плавали. И не просите. Купайтесь так, чтоб я вас видела.

Ну конечно, запрещая и не разрешая, родители хотят оградить детей от возможных трагедий и трудностей, но прежде всего они думают о своём собственном покое, даже порой не осознавая этого. Больше мы на глубину не заплывали. Нашли себе с сестрой другое занятие: собирать красивые камушки и ракушки. Мы садились на берегу и внимательно следили, что

выплывало из моря. Гладенькие камушки с радужными ободками самых необыкновенных расцветок и маленькие завитушки ракушек были нашим богатством, которое мы увезли с собой. Мамина путёвка закончилась, и мы засобирались домой. Когда загружали вещи в багажник, папа спросил, что это за увесистая сумочка и какой там груз. Мы с Ируськой сказали, что там память про море в виде камушков и ракушек. Папа удивился зачем столько, они же все одинаковые. А мы сказали, что там две памяти, нас же двое. И у каждой она своя, а значит разная. Против таких аргументов папа не решился возражать.

Показав ребятам наши сокровища во дворе, мы практически открыли обменный пункт. Ни у кого не было морских камушков и изящных ракушек. Да ещё и солёных с Чёрного моря. А каждый в нашем дворе что-нибудь собирал и коллекционировал. Можно сказать, все собирали всё. У нас с сестрой были богатые коллекции значков на разную тематику и фантиков от шоколадных конфет. Сашка Гравчук и Игорь Безруков собирали марки. У них были целые альбомы в бархатных обложках. Неля Бовгира и Люба Воробей собирали то же фантики, но от разных сладостей: карамелей, халвы, шоколадок. А Витька, младший брат Любы, он собирал маленькие запчасти, болтики, гаечки и разные проводки от

всякой техники.

Всё лето каждое утро, едва проснувшись, все мы выходили во двор со своими богатствами и коллекциями. Садись за столом, где по вечерам после работы взрослые мужчины играли в домино, а в выходные вместе с жёнами, играли в лото. И начиналась наша такая кропотливая работа. Каждый приводил в порядок свой реквизит. Новый фантик аккуратно выравнивался и по определённым правилам загибался со всех сторон в маленький прямоугольный конвертик. Дальше мы играли в эти фанты с целью выиграть у товарища какой-то новый понравившийся фантик. Ты берёшь свой фантик и показываешь партнёру какой у него хочешь выиграть. Если он соглашается, то складываете один фантик на другой и ладошкой сверху нужно по этой кучке так прихлопнуть, чтобы твой фант перевернул тот фант товарища. Если тебе это удалось, то оба фанта переходят тебе. Если не удалось, то эти оба фанта теперь переходят к партнёру. Мы так были заняты и увлечены, что уже после обеда ладошки болели у всех. В обмен на морские камушки мы пополнили свои коллекции фантов, добавив туда красивых и новых от больших шоколадок. Всё было интересно и справедливо.

Тем летом по телевизору показывали многосерийный художественный фильм «Капитан Тенкеш». Мы все спешили к началу новой серии, а

после фильма выходили снова и взахлёб пересказывали новую серию. Фильм был приключенческий и весёлый одновременно. Капитан Тенкеш был отважным и хитрым. Умело перехитрил и прогнал врагов. И, хоть у него было много дел, сражаясь и захватив в плен вражеского генерала, он повстречал свою любовь. Служанка баронессы Вероника украсила его жизнь. И это было так романтично, так захватывало нас. Мы громко обсуждали все сцены сражений и хитроумные планы капитана Тенкеша с ребятами. И очень тихо обсуждали с девочками, как он смотрел на Веронику, как брал её руку в свою, какие слова ей говорил.

Во дворе вообще было интересно, потому что многие находились в состоянии вечной любви друг к другу. Моих два верных друга Сашка и Игорь однажды, отозвав меня в сторонку, с загадочным видом, вручили мне две записки с условием прочитать их дома и назавтра дать им ответ. Я спрятала эти записки в карманчик, тут же забыв о них, и мы помчались дальше во все самые интересные истории из нашей повседневной жизни. По вечерам Сашка рассказывал нам про космос, другие планеты, расстояния до разных звёзд. Они с Игорем вели свои научные споры о расстоянии до других планет. И прямо на земле ржавым гвоздём проводили расчёты. После того, как между ними

достигалось согласие, ребята авторитетно нам заявляли:

— Смотрите на созвездие Большой медведицы. Оно в форме ковша. До него от Земли лететь около тридцати световых лет.

Мы сидели, задрав головы и внимательно смотрели на вечернее небо. В наших головах информация о расстоянии в световых годах не находила должного отклика и тогда ребята с энтузиазмом показывали нам звёздные фигуры в форме большого и малого ковша.

— А в ковше Малой медведицы самая яркая звезда называется Полярная. Она в четыре раза больше Солнца. Расстояние до этой звезды сто тридцать парсеков — объяснял нам Игорь.

Так что первое знакомство с астрономией произошло во дворе, причём мы никогда не сомневались в полученных знаниях. Ребята много читали, хорошо учились и во дворе образовался своеобразный клуб знатоков, где старались рассказать что-то новое. Темы самые разные и всем было интересно.

На следующий день Сашка спросил у меня про его записку. Я сказала, что отвечу вечером. Я же не могла сказать, что забыла её прочитать. Под предлогом срочного дела пошла домой, нашла вчерашний наряд, пошарив по кармашкам, нашла две загадочные записки, свёрнутые в трубочки.

Развернула обе сразу. Это были два маленьких кусочка из школьной тетрадки в клеточку. Два маленьких шедевра, созданные разноцветными шариковыми ручками, повествовали мне о любви кратко в виде математических формул из наших имён. Саша + Алла = Любовь. Игорь + Алла = Любовь. Постоянных было две Алла и Любовь. Переменных тоже две: Саша и Игорь. При чём они, эти переменные, ждали ответ от меня. И тут я задумалась. Сашку я всем свои сердечком полюбила ещё в садике. Осознав это лет в пять, я некоторое время томилась от односторонней любви. Но, потом, как-то улеглось это сильное чувство, переросло в хорошую дружбу. А Игорь был просто товарищ. Без трепетных чувств. Мне было с ним всё понятно, но без любви. Я сидела в комнате, смотрела на эти записки и совсем не хотелось идти на улицу. Да, сначала мне было приятно и лестно. Но, чем дольше я витала в заоблачных далях, тем тяжелее становилось на душе. Я поняла, что дальше наша беззаботная дружба не будет продолжаться. Но никого из ребят я не хотела терять.

Я вышла во двор и, собрав в кулак всю мудрость двенадцатилетней девочки, уселась на свободную лавочку. Мне предстоял серьёзный и взрослый разговор. Вскоре подошли мои ребята, сели рядом, помолчали.

— Прочитала наши записки? — спросил Сашка. Сашка был старше нас с Игорем на три года.

— Да, конечно. — тихо ответила я.

— И что скажешь? Чья записка тебе не нужна? — продолжал Саня.

— Обе записки останутся у меня. Вы оба мне дороги. Выбор в любви будем делать позже, а сейчас дружим, как и раньше. Это всё, что я могу сказать.

— Мы ещё немного подрастём и тогда станет понятно, кто будет лишним в нашем треугольнике: или Саша, или Игорь, — продолжала я.

— Или ты, Алла, — напряжённо глядя мне прямо в глаза, закончил Саня наш трудный разговор.

А мне и в голову не пришло, что я могу быть лишней. Это было для меня целым открытием, новым ощущением и внезапной встряской. Так начались закалка и тренировка на выносливость моей девичьей психики.

Но я благодарна моим первым воздыхателям, что мы так и продолжали дружить и общаться без утомительных сцен ревности и каких-либо лишних проявлений чувств. Вместе мы прожили все фильмы про индейцев. Ярким и значительным вошёл в нашу жизнь главный индеец всех времён — Гойко Митич. Всей дворовой толпой мы не

пропустили ни одного фильма: Чингачгук — Большой Змей, Апачи, Оцеола, Братья по крови. Дорогой наш Гойко, дорогой наш Митич — ты навсегда покориł наши юные сердца. Мускулистый смуглый красавец, гордый и справедливый! Мы уже не могли оставаться прежними. Во дворе мы занялись изготовлением томагавков — боевых топориков индейцев. И собирали перья птиц для изготовления ирокезов. Теперь мы все были индейцами. Краской рисовали таинственные знаки на руках и разрабатывали хитроумные планы по воинственным нападениям на противника. Ребята из нижнего «татарского» двора были противниками. Наш двор всегда побеждал. Нашим вождём был Сашка Гравчук. А у тех ребят вождя не было.

В школе на летние каникулы задавали разные задания: по литературе нужно было прочитать огромное количество книг, по математике решать сложные примеры и задачи, но самое специфическое задание было по ботанике. Нужно было словить лягушку и поместить её в банку с формалином. Другим словом — заспиртовать её. И, если на книги и задачи не хватило бы не только летних, но и зимних каникул, то для выполнения ботаники было только лето.

Все ребята во дворе знали про моё задание. Но нигде и никому не удавалось увидеть и словить

лягушку. А каникулы постепенно подходили к августу. И вот, играя в какие-то важные игры, за сараями, где куча бурьяна, я увидела маленькую шуструю ящерицу с длинным светло — коричневым хвостиком. Решение словить её пришло моментально. И мне это удалось. Я держала её сверху двумя пальцами за изящную спинку. Осторожно со своей добычей пошла во двор. Ребятам хотелось её потрогать и подержать. Ящерица старалась укусить за палец того, кто её трогал. Поэтому демонстрация быстро закончилась. Я позвала Иру, и мы пошли вместе с ящерицей домой.

Зашли сразу в нашу девичью комнату и принялись разрабатывать план проживания нового жильца. Решили, что родителям не скажем, для их же блага. Выделили просторную коробочку, сделали в ней отверстия для воздуха и нарезали мелко листов из тетрадки. Сказали ящерице, что теперь звать её Анфиса и запустили освоиться в новый домик. А сами пошли во двор раздобыть еды для Анфисы. Это оказалось не так-то просто.

Словили пару кузнечиков и большую муху и бегом домой. Открыли коробку, ящерица зарылась в бумагу и казалось, что дремлет. Я осторожно положила перед ней кузнечика и муху. Прошло некоторое время пока мы услышали тихое шуршание. Заглянули в коробку. Анфиса

поглощала еду. Она просто заглатывала насекомое, немного отдыхая после каждого глотательного движения, пока полностью не проглотила. Съев всё, ящерица с толстым брюшком, немного побродив в коробке, зарылась в бумажки и успокоилась. Уснула. К вечеру мы принесли свежей травы и разложили в коробочке. С этого дня наши головы были заняты только Анфисой. Добыча корма, причём постоянно, незаметное ношение свежей травы и вынос вчерашней на улицу, прогулка ящерицы по нашей комнате, уборка её домика и разные мелкие заботы, которые мы с большой изобретательностью дарили маленькой шустрой зверушке.

Но трудности были. У нас много лет жил сибирский кот Пушок. Кот был большой и красивый. Любил спать под батареей и лёжа есть из своей тарелочки. Бродил он по всей квартире и, если мы с Ирой закрывали дверь в свою комнату, то Пушок сидел за дверью и заунывно выл. И лучше было его впустить. Кот всё понимал. И пришёл посмотреть на новую жительницу общей с ним жилплощади. Ящерица висела на оконных шторах. Мы вытаскивали её из коробочки, подносили к тюлям и она, легко цепляясь лапками за нити, устремлялась вверх. Некоторое время она висела неподвижно, затем спускалась вниз, бегала по нашему школьному столу, переходила на ковёр,

который висел на стене и примыкал к этому столу. На ковре она сливалась с общим узором и была незаметна. Мастер маскировки. Мы старались на пол её не пускать, боялись, что можем не найти. Пушок зашёл в нашу комнату, подошёл к столу и улёгся на ковровой дорожке. Он принялся методично вылизывать свою длинную сибирскую шерсть. Периодически он останавливался, замирал на время, далее, спохватившись, продолжал приводить себя в порядок. Ящерица зашевелилась на ковре и привлекла внимание кота. Он прекратил свои водные процедуры и лёжа наблюдал за происходящим. Так продолжалось некоторое время, пока Анфиса не покинула ковёр. Я взяла её в руку и дала понюхать коту. Тот не проявил особого интереса и это успокаивало. Не съест. Ящерица ручейком из руки перетекла на кота и утонула в его шерсти. Она путешествовала по развалившемуся коту и это ему нравилось. Так они познакомились и подружились. Тут мама позвала Пушка на кухню рыбку кушать. Он вскочил вместе с ящерицей в недрах своей растительности и направился к закрытой двери.

Мы с Ирой остановили кота и начали шарить в его шерсти. Анфиса выбралась коту на голову. Тот сел и лапкой хотел её сбросить, но только стянул с макушки себе на нос. Ящерица вцепилась пастью ему в нос и расставив в стороны все лапки

висела вертикально, помахивая своим хвостиком. Было такое впечатление, что она словила кота. Коту не терпелось выйти на призывы мамы, и я взяла Анфису в одну руку, а другой начала освобождать её цепкие лапки из шерсти кота. Пушок теряя терпение, стал сопротивляться и мотать головой. Я сильнее потянула ящерицу к себе и вместе с волосками шерсти отделила её от кота, но при этом её длинный хвостик упал на пол.

Я выпустила кота из комнаты и плотно закрыла дверь. Подняла хвост и в растерянности села на кровать. Мы с сестрой внимательно рассмотрели то, что осталось от прежней Анфисы. Положили её на покрывало. Коротышка шустро побежала по кровати, как ни в чём не бывало. Набегавшись вдоль и поперёк, ящерица поднялась по ковру и застыла там на некоторое время. Наверное, ситуация с котом представляла опасность, и отдав важное — свой хвост, она заботилась о главном — своей жизни. Я злилась на себя, и понимала, что в ответе за это беззащитное животное.

Уложив Анфису в её домик, мы с сестрой пошли во двор ловить насекомых и хоронить хвостик. Каждый день мы активно выгуливали нашу подопечную, усиленно её кормили, иногда она встречалась с котом. К концу августа у Анфисы начал появляться маленький новый хвостик

чёрного цвета.

Наступил новый учебный год. И на первом уроке ботаники учительница объявила, что на следующий урок нужно всем принести задания, которые мы должны были выполнить за лето. Дети принесли свои задания, учительница проверяла, показывала классу, кого-то хвалила, кому-то давала совет, как улучшить или исправить что-то. Каждому выставлялась оценка за его домашнее задание и эти экспонаты относили в лабораторию кабинета ботаники и выставляли на стендах, как наглядные пособия.

Когда пришла моя очередь, я вытащила из портфеля небольшую коробку с дырочками и сказала, что там живая ящерица. Но она без хвоста и нужно ждать пока хвостик вырастет, он уже начал расти. Всем хотелось это увидеть. Учительница заглянула в коробочку и быстро закрыла её. Сказала, чтобы я прямо сейчас отнесла её домой и в школе не открывала. Но к концу сентября я должна сдать своё задание.

Весь сентябрь я после школы старалась собирать каких-то насекомых и подкормить Анфису. Хвостик довольно хорошо отрос. И в последнее воскресенье месяца я сказала Ире, что сегодня выпустим ящерицу на свободу.

— А как же твоё задание? Что ты скажешь учительнице? — беспокоилась сестричка.

— Скажу ей, что ящерица куда-то убежала из коробочки.

Я чувствовала, что единственно верным будет решение отпустить Анфису в её среду обитания как можно скорее, чтобы она успела устроиться на зимовку. Мы собрались во двор, взяли коробочку и вышли из квартиры.

Сентябрь был тёплым, можно сказать, что продолжалось лето. Трава ещё была зелёной. Мы с сестрой пошли за сараи, как раз к тому месту, где я когда-то словила ящерицу. Без лишних церемоний я открыла коробочку и присела пониже к земле. Анфиса продолжала сидеть в коробочке. Я немного наклонила её домик чтобы она съехала на траву. На долю секунды ящерица замерла. А дальше юркнула в траву и тут же скрылась из виду. Мы постояли ещё немного не шевелясь. Ну что же, миссия выполнена, и как-то всё стало на место. Пора идти домой.

На следующем уроке ботаники я получила сниженную оценку за невыполненное летнее задание. Но меня это уже не беспокоило. И моя совесть простила мне, что я изначально словила ту ящерицу.

Просто получается, что ты никогда не знаешь, как поступишь в какой-то конкретной ситуации, пока сам не проживёшь её. Можно много читать о правильных вещах и знать в теории, как следует